

«ДАЧНЫЙ РОМАН» В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

(«Зеленая Коса»)

В ранних произведениях А.П. Чехова дача нередко становится описываемых событий. Как правило «дачный текст» выявляется в коротких рассказах, с характерными чертами анекдота, в которых изображены комические ситуации, нелепые поступки, недостатки или слабости героев.

«Зеленая Коса» (1882) – произведение особенное уже тем, что автор определяет его как «маленький роман», состоящий из двух глав. Первая глава – вводная – посвящена описанию дачи «Зеленая коса» на берегу Черного моря и её владельцев – княгини Марьи Егоровны Микшадзе и её дочери Оли, а вторая – событиям, произошедшим на этой даче, – одной *«из глупых средневековых историй»* [Чехов, 1974, 1: 159].

Рассказчик – дачник, приезжавший каждое лето по приглашению хозяев, – лицо автобиографическое. Кроме того, как отмечают комментаторы, некоторые персонажи маленького романа (Е.П. Егоров¹, М.П. Коробов² и др.), – реально существующие люди, друзья А.П. Чехова.

Точка зрения рассказчика-поэта обозначена с самого начала. «Романное мышление» рассказчика выражается в оформлении того, чему он стал очевидцем, в особую форму. События, произошедшие на берегу Черного моря в средневековом замке, становятся основой для написания целого романа.

Его романтическая настроенность, «поэтический» взгляд на мир, позволяет создать живописный пейзаж, становящийся текстом. Дача представляет собой подобие средневекового замка *«со своими башенками, шпицами, зубринами, шестами»* [Чехов, 1974, 1: 159]. Описание её, выполненное в романтическом ключе (*«смирная красота, «сад с аллеями, фонтанчиками, оранжевыми», «кокетливый ветерок», «ясное небо»*) [Чехов, 1974, 1: 159] и т.д.), включает и персонификацию, и интроспекцию. «Зеленая Коса» в повествовании рассказчика –

¹ См. в примечаниях к рассказу: «Е.П. Егоров «был близким приятелем братьев Чеховых и упомянут Антоном Павловичем в его рассказе “Зелёная коса”. Впоследствии этот Е.П. Егоров вышел в отставку с таким же желанием „работать, работать и работать“, как барон Тузенбах в “Трёх сёстрах“, и оказал немалую услугу населению Нижегородской губернии в 1892 году. К нему ездил туда брат Антон, и оба они принимали там участие в обеспечении крестьян рабочими лошадьми» [Чехов, 1974, I: 583].

² См. в примечаниях к рассказу: «Н.И. Коробов (1860-1919), врач. Окончил медицинский факультет Московского университета в один год с А.П. Чеховым. М.И. Коробову был посвящён рассказ “Цветы запоздалые”». [Чехов, 1974, I: 583].

«прелестная дача», «дивная прелесть», «чудное местечко» [Чехов, 1974, 1:159].

Особый ритм произведения задан дачными сроками: «дачный сезон» начинается с мая и заканчивается в сентябре («*Мы ежегодно в мае съезжались на Зелёной Косе*», «*Мы приезжали и гостили до сентября*») [Чехов, 1974, 1: 160]. Своеобразным обрамлением как дачного сезона, так и «романа», является приглашение княгини и Оли: «*Каждый март нас приглашали на Зелёную Косу два письма...*» [Чехов, 1974, 1: 160]. Незавершенность создается кольцевой композицией, несущей идею цикличности, что предполагает продолжение романа («*Вскоре я должен получить два письма*», «*В мае я еду опять на Зелёную Косу*») [Чехов, 1974, 1: 172]).

Поэтическое восприятие дачи омрачается прозой жизни – строгая и капризная хозяйка-княгиня – «*самое серое пятно*»; самое светлое воспоминание – её дочь Ольга, без которой «*поэзия Зеленой Косы была бы неполной*» [Чехов, 1974, 1: 161].

В моделировании персонажей преобладает принцип каламбурности. Княгиня предстает раскатывающей на двух своих коньках («*Этикет – ее конек. Что она жена князя – это ее другой конек*») [Чехов, 1974, 1: 160]). Её поведение характеризуется как «*вечное и ужасное пересаливание*». Переносный план этой формулы сводится к этикетности: она «*враг ветрености и легкомыслия, любит молчание*», считает неприличным улыбаться, любит читать нотации и т.д.

Для рассказчика-поэта Марья Егоровна – «*жена не то грузина, не то черкеса-князька*» [Чехов, 1974, 1: 160]. Так работает принцип неточности: подчеркивается несколько ироничное отношение к барыне, для которой знатность – высшая добродетель. Лаконичное описание княгини (в духе авторской афиши к драме), несколько противоречивое, постоянно уточняется по ходу сюжета (не строгая, а капризная; любила нас, но упрекала, терзала и т.д.).

Тем не менее, Зеленая Коса для дачников представляется земным раем, главной особенностью которого является его музыкальность (плеск моря и шепот деревьев, сопрано Ольги, теноры и басы дачников и т.д.).

В знак противостояния «темному началу» – княгине – дачники сколачивают целую банду («*Да и издевались же мы над старухой!*») [Чехов, 1974, 1: 162]), состоящую их дачников, захвативших лишние комнаты средневекового замка, и соседей.

Фамилии «бандитов» усиливают игровую атмосферу, царящую на Зеленой Косе: доктор Яковкин³, газетчик Мухин (усеченный

³ Древнееврейское имя — «следующий по пятам»; происхождение имени Яков: имя представляет собой русскую форму от древнееврейского имени Иаков. Лучшую характеристику этого имени дал великий русский ученый, философ, богослов П.А. Флоренский (1882-1937): «От древности и до наших дней с ним, и в больших и в

фразеологизм: «делать из мухи слона»), магистр физики Фивейский⁴ (ассоциации с древними математиками, связанными с Фивами). Сам же герой-рассказчик – бывший репетитор Ольги – подчеркивает несерьезность обучения: *«научил ее плохо говорить по-немецки и ловить щеглят»* [Чехов, 1974, 1: 160].

В игровой атмосфере дачи, будучи втянутыми в ритуалы княгини, дачники в борьбе с правилами княгини используют невинные детские шалости: *«заносили куда-нибудь ее ножницы, забывали, где ее спирт, не умели найти ей наперстка»* [Чехов, 1974, 1: 162], наказание за которые следует незамедлительно. Комически обыгранные суды с маскарадными действиями (*«Иногда для потехи кто-нибудь из нас провинится в чем-нибудь и по донесению призывается к старухе»*) [Чехов, 1974, 1: 162]) завершались дарованным княгиней помилованием и всеобщим гомерическим хохотом.

В романе своеобразно реализуется проблема «отцов» и «детей»: *«Она привыкла к нам, как к детям...»* [Чехов, 1974, 1: 162], *«Кто моложе ее хоть на один год, тот молокосос»* [Чехов, 1974, 1: 160] – в этих характеристиках княгини проявляется её отношение к младшему поколению. Именно поэтому она считает себя в праве вмешиваться в дела дачников и учить их жизни. Такую же позицию она занимает и в отношении к дочери: *«считала Олю дитятей», «ставила ее в угол»* [Чехов, 1974, 1: 161]. Поистине драматической представляется сцена столкновения точек зрения отцов и детей: *«Не вам, молокососам, учить меня, старуху. Знаю, что делаю. Вы люди умные, а я дура... С богом, сударики!.. Век вам буду благодарна!»* [Чехов, 1974, 1: 171]. Вечный конфликт отцов и детей обнаруживает противостояние двух поколений, основанное на разнице во взглядах, влиянии новых «идей» на традиционный уклад жизни.

Деление всех окуржающих на князей и «не-князей» (*«выражала нам сожаление, что мы не князья»*) [Чехов, 1974, 1: 162]) свидетельствует

малых масштабах, связаны вихри, около имени Якова возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет. Это не бессильно сплетаемая интрига, не просто личный расчет и не черное предательство из корысти или злобы, а скорее планомерное развертывание некоторого исторического дела, увлеченный ритм истории, собранный в один фокус и попирающий все стоящее на пути. Это огонь страсти, но страсти не чувства, а воли и рассудка, и нет такого, на что бы не покусился он, если оно попытается остановить разгоревшийся пожар. Разумеется, таково имя Яков в масштабе историческом; в личном же — оно не достигает этой грандиозности, но тем не менее определяет характер и поведение, ярко выраженные родоначальником всех Яковых - праотцем Иаковом» [Имена, <http://www.gidrm.ru/names.html>]

⁴ Семинарская фамилия. От названия греческого города Фивы, родины некоторых деятелей науки и христианской церкви, в честь которых и называли Фивейскими [Биографический словарь, <http://dic.academic.ru>].

о важности для неё княжеского титула, о благородности его обладателей, древности рода. Потому даже юмористическая заметка о кавказских князьях в «Стрекозе» столь обидна для княгини (*«Княгиня встала из-за стола и молча вышла»*) [Чехов, 1974, 1: 163]. Дерзость Егорова, посягнувшего на идею рода, расценивается как оскорбление.

Упоминание в начале произведения о сентиментальных романах не случайно: дачный сюжет в «Зеленой Косе» пародирует рыцарские романы.

Князь Чайхидзева (жених), поручик Егорова (рыцарь) и Ольга (Прекрасная Дама) составили любовный треугольник.

Описание соискателей руки Оли контрастно.

Чайхидзев – *«довольно ограниченный малый», «пучеглазый, узкогрудый»* [Чехов, 1974, 1: 164], на балу *«болезненно улыбался и чувствовал, что неловок», намеревался исполнить священную волю отцов. Поручик Егоров – «красив, удачно острит, много молчит и военный»* [Чехов, 1974, 1: 163], прежде был любимцем княгини, а теперь ненавистный ей.

В именах персонажей романа соединяется христианская, античная мифология и фольклорные мотивы.

Егор – русская форма греческого имени Георгий, «возделывающий землю», – это одно из имен Зевса [Биографический словарь, <http://dic.academic.ru>].

Как и верховное божество Зевс, княгиня является центральной фигурой, руководящей всеми на «Зеленой Косе». Мария – «Госпожа» [Книга имен, <http://knigaimen.narod.ru>]. В связи с именем княгини возникает фольклорный мотив. Героиня русских сказок – Марья Моревна⁵ Но именно поручик нарушает её планы, влезая в её дела. А потом заглаживает вину, написав длинное письмо. В этой ситуации реализуется другое значение его имени: др.греч. – «хорошо пишущий» [Книга имен, <http://knigaimen.narod.ru>].

С именем Егор связан и символический план романа, разворачивающийся в сюжете. Евграф Егоров становится Георгием Победоносцем⁶, змеборцем, освобождающим царскую дочь от гибели. Поручик внешне схож с Георгием, который изображался в виде прекрасного юноши. Змеиные черты содержит описание (*«затянутый в*

⁵ Марья Моревна (девица Синеглазка, Царь-девица, Белая Лебедь Захарьевна) Общее название женщины – богатырши, героини русских сказок. Образ героини – богатырши представлен во многих сюжетах – «Молодильные яблоки», «Сказка о трех царствах», «Марья – моревна». Героиня-богатырша живет в собственном девичьем царстве. Чтобы попасть в него, герою приходится преодолеть множество препятствий [Легенды и мифы, <http://mifologija.dljavseh.ru>].

⁶ См. Подробнее: [Сендерович, 2002].

тесный фрак» [Чехов, 1974, 1: 166] как в кожу змеи) и поведение Чайхидзева (*«хотелось блеснуть хоть чем-нибудь»*) [Чехов, 1974, 1: 166]).

Обращает на себя следующее соотношение: фамилия поручика – Егоров, а отчество княгини – Егоровна; в этом – своеобразный знак судьбы, указывающей на родство.

Бал, на котором намечался сговор, превратился в карнавал с переворачиванием полюсов мира. «Верх», т.е. короли (Марья Егоровна и князь Чайхидзев), и «низ» (Егоров и «дачная банда») меняются местами. Карнавал заканчивается полным развенчанием королей. Заговор дачников удался: *«Княгиня выходила из себя и нюхала спирт», «сердилась, стыдилась гостей, жениха», её «разбирало бешенство»* [Чехов, 1974, 1: 170], а жених-«дураллей» только пожимал плечами.

С одной стороны, проделки «дачной банды» разрушают старые добрые обычаи (*«Идея двух отцов порвалась у самого исполнения»*) [Чехов, 1974, 1: 165]). Но, с другой стороны, сами традиции представлены с точки зрения молодого поколения как «глупые» и «дикие». Помолвка детей совершается по приказу пьяных князей, но с соблюдением всех ритуальных действий: целование, обмен кольцами и т.д., – в этом глупость этой средневековой истории. Напоминанием о воле отцов становится фотокарточка, на которой были сняты будущие супруги, – *«мишень для бесчисленного множества острот»* [Чехов, 1974, 1: 164]. Карточка – знак обета Оли: *«И это воля папы! – говорила она нам, и говорила с некоторою гордостью, как будто бы совершала какой-нибудь громаднейший подвиг. Она гордилась тем, что отец унес с собой в могилу ее обещание»* [Чехов, 1974, 1: 164].оборот «как будто бы» создает особый художественный эффект: верность данному слову – «подвиг» в глазах Оли и «глупость» в глазах молодежи (эпитет «какой-нибудь», отнесенный к «подвигу», усиливает неоднозначность высказывания и подчеркивает «ложность» не свершенного пока еще поступка).

Княгиня, как настоящая владычица, требует послушания от всех. Её требованиям более всех соответствует Чайхидзев, почтительнейше отвечающий на её письма и относящийся серьезно к игре в пикет. Своих дачников она также желает видеть на балу «послушными и завитыми, как пудели; чтобы не шумели; чтобы в комнатах было благоприлично» [Чехов, 1974, 1: 166]. Внешнее послушание, однако, не мешает друзьям в осуществлении своих планов. Именно нарушение её запретов приводит к избавлению Оли от Чайхидзева.

Сюжетная история строится на обыгрывании архетипического сюжета и оппозиции живое/мертвое.

Розыгрыш Ольги превращается в настоящее театральное представление, в котором каждый играет свою роль. Рассказчик становится проводником, ведущим её в глубину сада как будто в потусторонний мир, в мир мёртвых (*«я попудрил, чтоб казаться»*

бледным, своротил в сторону галстук и с озабоченным лицом и с всклокоченными волосами подошел к Оле» [Чехов, 1974, 1: 167]). Умиравший Егоров нуждается в спасении: «Он умирает... Спасите его, Ольга Андреевна!» [Чехов, 1974, 1: 167] – так похищена невеста. Остальные члены банды способствуют нагнетанию обстановки, пробегая мимо с «озабоченными, испуганными лицами». «Кровь остановилась... – шепнул мне магистр физики так, чтобы услышала Оля» [Чехов, 1974, 1: 167]. Желаемый эффект достигнут: Оля дрожала со страха, залилась слезами. «Освещенный луною поручик, бледный от перепоя» действительно выглядит как мертвец. Так пародийно реализуется традиционный балладный мотив мертвого жениха.

Но «мистическая» сцена заканчивается счастливо: влюбленные обретают друг друга, а сад становится их укрытием. «Умиравший» от любви Евграф, благодаря проделкам банды, получает то, о чем мечтал, – Олю.

Оля, по словам рассказчика, «*пляшет как сама Терпсихора*»⁷ [Чехов, 1974, 1: 161]. Эта муза в мифологии – спутница Диониса, бога виноделия и веселья, с Дионисом в романе ассоциируется Егоров: его описанию сопутствует мотив опьянения. Он пьян и от алкоголя («*пьян как стелька и спал мертвецки*», «*бледный от перепоя*» [Чехов, 1974, 1: 167], пропитан водочным запахом), и от любви и счастья («*Мы посмеялись над опьяневшим от счастья Егоровым*») [Чехов, 1974, 1: 171]).

Мотив опьянения связывает персонажей романа. Марье Егоровне сопутствует запах спирта («забывали, где ее спирт», «нюхала спирт»). «Запах спирта» обладает двойной семантикой: он, с одной стороны, действует как опьяняющий, а с другой – как отрезвляющий (резкий запах приводит в чувства). Рассказчик, наслаждающийся благоуханием олеандров, также находится во власти опьянения: ароматный цветок очень ядовит и может вызвать головную боль и головокружение [Значение цветов, <http://www.gardenia.ru>]. Зеленая Коса с её садами и оранжереями, свежестью моря предстает неким волшебным пространством, наполненным одурманивающими запахами.

Пародийный мотив мертвого базируется на другом – мотиве подмены жениха: нареченный жених Чайхидзев, оказавшись в неловком положении, вынужден покинуть Зеленую Косу, а ненавистный княгине Егоров добивается её расположения.

⁷ Терпсихора (T e r p s i c h o r a) считалась музой хорового пения и танца, изображалась в виде молодой женщины в позе танцовщицы, с улыбкой на лице. На голове у нее был венок, в одной руке она держала лиру, а в другой плектр. Она – «наслаждающаяся хороводами» [Легенды и мифы, <http://mifologija.dljavseh.ru>].

Нарушив волю родителей, Ольга совершает поступок, недостойный дочери и невесты князя, чем вызывает гнев матери. Тяжелое дорогое платье, «*сшитое специально для встречи жениха*» – «тяжелые вериги», олицетворение тяжести обещания. После свидания Оля шла, «*приподняв немного платье и показывая свои маленькие башмачки*» [Чехов, 1974, 1: 170]: «маленькие башмачки» становятся символом скрытых ранее и вырвавшихся наружу чувств.

Несоблюдение традиций, неисполнение воли князя Микшадзе, приводит к расколу между дачниками и княгиней. Вопреки законам гостеприимства, даже не «этикетничая», Марья Егоровна прогоняет дачников: «*Выпивайте чай и поезжайте отсюда кружить другие головы. Вам не жить со мной, со старухой...*» [Чехов, 1974, 1: 172]

Но «страшно соскучившаяся» княгиня постепенно сменяет гнев на милость. «*Мир склеился сам собой*» [Чехов, 1974, 1: 172] – ассоциируется с восстановлением разбитой чаши. Прежняя жизнь в «земном раю» возобновляется.

Библиографический список

1. Деотто, П. Из городской грязи на природу (Дача как одна из категорий петербургского мифа) / П. Диотто // Studia Litteraria Polono-Slavica, 4. SOW, Warszawa, 1999. – С. 145-154.
2. Легенды и мифы [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://mifologija.dljavseh.ru/Slavjanskaja_mifologija/Georgij_Pobedonosce – Заглавие с экрана.
3. Книга имен [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://knigaimen.narod.ru/imena/eg> – Загл. с экрана.
4. Ловелл, С. Дачный текст в русской культуре XIX в. / С. Ловелл // Вопросы литературы – №3. – С. 34-74.
5. Мифологическая энциклопедия [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://myfholology.narod.ru/gods/greece-gods/terpsihora.html>. – Загл. с экрана.
6. Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров. СПб.: Искусство – СПб, 2003. – 612 с.
7. Сендерович, С. Георгий Победоносец в русской культуре / С. Сендерович. – М.: АГРАФ, 2002. – 189 с.
8. Цивьян, Т.В. Дача и дачники в русском представлении / Т.В. Цивьян. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://student.km.ru/ref_show_frame.asp?id=0ED7AE92BC144180B9E8C736CAA6990B. – Загл. с экрана.
9. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1974 – 1983. Т. I. – М.: Наука, 1974. – 607 с.
10. Щукин, В.Г. Чеховская дача: культурный феномен и литературный образ / В.Г. Щукин // Очерки русской культуры XIX в. – Т. V. – М., 2005. – С. 418-452.